

Стараниями архиепископа Новосибирского и Барнаульского Гedeона, настоятеля возрожденной православной общины Сергея Плаксина церковь строилась быстро : в мае 1987 г. освятили строительную площадку, а в сентябре 1989 г. уже воздвигли на куполе крест. Каменная двухпрестольная церковь (второй престол – во имя святого Серафима Саровского) снова вернулась в город.

А.И. Конюченко (ЧГУ)

ЗИГЗАГИ «ДУХОВНЫХ» ФАМИЛИЙ

Фамилии представителей духовенства и выходцев из духовного сословия представляют особый интерес. Данное сословие было связующим звеном между привилегированной частью общества и его низами, цементировало, а затем являлось стержнем между полярными полюсами, долгое время препятствуя открытому столкновению верхов и низов. Такое положение духовенства неминуемо должно было определить и наличие в нём самых разнообразных фамилий: от простонародных – до дворянских.

Русская антропонимика (совокупность личных имён) XVI–XVII вв. была социально дифференцирована. Бояр именовали трёхчленно: индивидуальное имя + полное отчество (с -вич) + родовое имя. Для средних слоёв – дворян и богатых купцов существовала следующая формула: индивидуальное имя + краткое отчество в форме краткого прилагательного на –ов (-ев), -ин. К концу XVII в. подавляющая часть дворян уже имела и фамилии. Вся же остальная масса населения называлась лишь индивидуальным именем с обязательным уничижительным формативом –ка. Реформы Петра I придали устойчивость сословным антропонимическим нормам: закрепилась всеобщая официальная обязательность церковного («крещёного») имени и была установлена трёхчленность именования для представителей привилегированных слоёв. К середине XIX в. фамилии охватывали уже не только дворянство, но также духовенство и разночинцев¹.

Что же касается крестьянства, то в его среде фамилии начали прививаться в связи с проведением ревизий в XVIII в. Но поскольку для крестьянина требование чиновника назвать свою фамилию часто означало обозначить незнаемое, то вносимые в ревизские сказки фамилии благополучно забывались ко времени следующей ревизии, то есть преемственности фамилий в толще народной среды не существовало.

Духовенство же получает в XVIII в. набор специфических фамилий. Это было связано с тем, что в прошениях о приёме детей в духовные школы родители не всегда указывали фамилии, а у многих их попросту не

было, и их приходилось выдумывать инспекторам или ректорам. Существовало несколько вариантов, следуя которым детям давались фамилии, становившиеся потом наследственными².

1). По названию церквей, округов, населенных пунктов, из которых были привезены мальчики: Богоявленский, Рождественский, Вознесенский, Мамадышский, Казанский... 2). По именам родителей или родственников: Афанасьев, Маврин, Екатерининский, Софийский и др. 3). По какому-то характерным, бросающимся в глаза особенностям внешнего облика, чертам характера самих детей или тех, в чьем сопровождении они прибыли в школу. Эта группа фамилий была достаточно живописной: Красавцев, Однооков, Животоносов, Голосницкий, Тихонравов, Несмелов, Смеловский... 4). В честь исторических лиц и государственных деятелей: Софоклов, Салманасаров, Румянцев, Сперанский и т.п. 5). По звучным и экзотическим греческим и латинским словам, включая имена собственные из языческой мифологии: Кипарисов, Филантропов, Аргентов, Марсов, Киприадов и т. д.

Семинаристы по данному поводу награждения фамилиями острили:

По церквам, по цветам,

По камням, по скотам,

И яко восхождет Его Преосвященство.

Но даже в XVIII – первой половине XIX в. фамилии духовенства не всегда становятся наследственными. Если смена имени считалась непозволительной изменой своему святому, то фамилии в течение жизни могли меняться, даже неоднократно.

Сын бедного сельского пономаря, принятый в славяно-греко-латинскую академию, получил фамилию привезшего его в Москву дяди – Смирнов. Позже Пётр Смирнов стал протоиереем Петром Андреевичем Фелицыным, самым заслуженным в Tobольской епархии. Свою последнюю фамилию он получил в бытность регентом архиерейского хора от Калужского преосвященного Феофилакта (Русанова), который объяснил, что она означает «сын счастья»³.

Кроме того, было принято давать учащимся духовно-учебных заведений особые обязывающие и почётные фамилии в честь какого-либо лица, качества, идеала – Донебин, Невский, Платонов, Вениаминов, Добров... в качестве поощрения. Да и сами родители-священники предпочитали закреплять за своими отпрысками более громкие, известные и благозвучные, по сравнению со своими собственными, фамилии. Поэтому неудивительно, что зачастую даже родные братья имели разные фамилии. У одного священника Тверского уезда все шесть сыновей получили отдельные персональные фамилии: Лебедев, Кревский, Миловский, Критский

(в честь святителя Андрея, архиепископа Критского, память которого отмечается 4 июля) и Малеин (в память преподобного Михаила Малеина, день которого празднуется 12 июля)⁴. А родные братья преосвященного Платона (Фивейского) имели фамилии Казанский, Невский и Боголюбский⁵.

У вышедшего из духовной среды академика Е.Е. Голубинского дед по отцу имел фамилию Беляев, а сыну своему «в честь какого-то своего хорошего знакомого, представлявшему из себя маленькую знаменитость», дал фамилию Песков. Тот, в свою очередь, или по семейной склонности к обновлению, или из-за того, что своя фамилия ему не нравилась, подыскивал для своего ребёнка другую. «Бывало, зимним вечером ляжем с отцом на печь сумерничать, – вспоминал по этому поводу академик, – и он начнёт перебирать: Голубинский, Делицын (который был известен, как цензор духовных книг), Терновский (разумел отец знаменитого в своё время законоучителя Московского университета, доктора богословия, единственного после митрополита Филарета), Павский, Сахаров (разумел отец нашего костромича и своего сверстника Евгения Сахарова, бывшего ректором Московской духовной академии и скончавшегося в сане епископа Симбирского)... заканчивая своё перечисление вопросом ко мне: «Какая фамилия тебе более нравится?» После долгих раздумий выбор был остановлен на фамилии Голубинский, потому, что её обладатель Фёдор Александрович – профессор философии Московской духовной академии был самым известным и уважаемым земляком-костромичом. «Выбор отца, – дополнял автор, – как думаю, уславливался ещё и тем, что брат Фёдора Александровича, Евгений Александрович, был не только товарищем отцу по семинарии, но и был его приятелем и собутыльником (ещё во время учения в семинарии оба были весьма не дураки насчёт водки, как большая часть семинаристов)»⁶.

Как показывает сравнение фамилий духовенства Екатеринбургской и Саратовской епархий⁷, специфически сословные, «семинарские» фамилии среди духовенства Саратовской епархии были распространены гораздо шире, нежели Екатеринбургской. В последней распространённых фамилий, образованных от названий храмов, было лишь 4 (Архангельский – 6 человек, Знаменский – 6, Троицкий – 13 и Успенский – 8). В Саратовской подобных фамилий встречалось гораздо больше: Архангельский (самая распространённая фамилия, которую носило 47 человек), Казанский (13), Крестовоздвиженский (6), Николаевский (6), Никольский (19), Покровский (22), Рождественский (10), Троицкий и Успенский (по 6). Кроме того, в нижеволжской епархии встречались такие фамилии, как Благовидов, Благодарев, Богословский (по 5 случаев), Боголюбов (6), происхождение которых также не вызывает сомнения⁸. В среднеуральской епархии их вообще не отмечено среди распространённых фамилий.

Фамилии, образованные от звучных русских, а также латинских и греческих слов, связанные с греческой мифологией встречались в обеих епархиях. Например, в Екатеринбургской – Бенедиктов – 5, Геликонов – 5, Меркурьев – 9. Павлинов – 7, Сельменский – 8. В Саратовской: Виноградов – 28, Златорунский, Каталонский, Мегарицкий – по 6, Мраморнов – 5, Розанов – 10, Уреевский – 8. То же можно сказать и о «профессиональных» фамилиях, указывающих на род занятий: в Екатеринбургской 37 духовных лиц носило фамилию Попов и 45 – Пономарёв; в Саратовской Пономарёвых было лишь 2 человека, Поповых – 10, но кроме них было ещё 12 Диаконовых и 5 Протопоповых.

Самыми же распространёнными в Саратовской епархии были следующие фамилии: Архангельский – 47, Соколов – 34 (кроме того, был 1 Соколовский и 2 Сокольских), Виноградов – 28, Голубев – 23, Покровский и Смирнов – по 22. В Екатеринбургской: Пономарёв – 45, Попов – 37, Дягилев – 29, Бирюков – 28, Коровин – 24, Кузовников – 23, Топорков – 22.

Как видно, налицо явное отличие – если в волжской епархии наиболее распространёнными были фамилии «семинарского» происхождения, то в уральской – образованные от прозвищ и профессий (бирюк – волк-одиночка, одинокий, угрюмый человек; дягиль – лекарственное растение и др.). Если бы речь шла о носителях фамилий живших в разное время или значительно отличавшихся по возрасту, это можно было бы объяснить различными условиями оформления фамилий. Но в данном случае мы имеем дело с современниками, да и возрастные характеристики отличаются незначительно и указывают, что представители несколько старшего по возрасту духовенства Саратовской епархии окончили духовную семинарию не более 30 лет назад, то есть не ранее первой половины 1880-х гг., когда духовно-учебные заведения жили по Уставам 1867 г., и когда фамилии большей части духовенства уже сложились и стали наследственными. Следовательно, вывод один: поволжское духовенство, как замкнутая сословная группа, сложилось раньше уральского и закрепило в своей среде специфические фамилии, дававшиеся в духовной школе.

Примечания

1. Система личных имён у народов мира. М., 1989. С. 264.
2. Благовещенский А. История старой Казанской академии (1797–1818). Казань, 1875. С. 145–148.
3. Сулоцкий А.И. Протоиерей П.А. Фелицын // Тобольские епархиальные ведомости. 1883. № 13/14. С. 284, 286.
4. Малеин И.М. Мои воспоминания. Тверь, 1910. С. 3.
5. Голубинский Е.Е. Воспоминания // Полунов А.Ю., Соловьёв И.В. Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского. М., 1998. С. 149.

6. Голубинский Е.Е. Воспоминания С. 149–150.
7. Подсчитано по: Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 г. Екатеринбург, 1909; Справочная книга Саратовской епархии. Саратов, 1912.
8. Существует и такое объяснение вариантов оформления фамилий учащихся духовной школы, которое приводится в рассказе С.Н. Сергеева-Ценского «Счастливица»: «Есть такое предание о древнем московском академическом начальстве, как оно перекрещивало бурсаков. Кто был тихого поведения и громких успехов, тот... получал фамилию от праздников, – например, Рождественский, Богоявленский, Успенский, Троицкий или Вознесенский... Кто был тихого поведения и тихих успехов, – этим скромникам... давали фамилию от цветов... Вот тогда-то и пошли все Розовы, Туберозовы, Гиацинтовы, Фиалковы... Но были ещё и такие, что успехов-то тихих, а зато поведения громкого, – эти получали прозвища от язычества: Аполлонов, Посейдонов, Архитриклинов, Илионский, Амфитеатров и прочее». Цит. по: Энциклопедия русских фамилий. / Сост. Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. М., 2002. С. 59.

О.Р. Князева (Пермь)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. И ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННЫХ УСТОЕВ ОБЩЕСТВА

В настоящее время, когда сняты идеологические запреты бывшего коммунистического режима, наконец, стало возможным исследование роли Русской православной церкви в жизни российского общества. Сейчас становится очевидным, что социализм присвоил себе единственное право на попытку строительства социального государства, в то время как основы социально ориентированной политики были заложены уже Русской православной церковью. Именно эта религиозная организация была проповедником нравственных основ, которые имели практическое выражение в явлениях социальной жизни российского народа. Свою нужность и полезность обществу Церковь отстаивала конкретной социально ориентированной политикой. Эта была политика выживаемости самой Церкви как организации и в то же время политика социализации населения.

2 августа 1864 г. в целях консолидации русского народа вокруг Церкви и в интересах развития благотворительности, Святейшим Синодом было принято «Положение о церковно-приходских попечительствах». В 1904 г. в России функционировало уже 19 985 таких церковных организаций¹. В Пермской епархии первые церковно-приходские попечительства стали появляться с 1891 г. Целью приходских попечительств было намечено, во-первых, призрение вдов, сирот и голодных; во-вторых, призрение